

Слово о поэте

Стихи на зимнем стекле

Поэту было 16 лет, когда на страницах городской газеты «Магнитогорский рабочий» появилась первая публикация его стихов. В 1968 году Юрий Ильясов поступил на факультет русского языка и литературы Магнитогорского государственного педагогического института.

В 1970-е он посвятил себя журналистике: работал корреспондентом и ведущим рубрики «Литературная страница» в многотиражной газете «Калибровщик», в газете Магнитогорского горно-металлургического института «За кадры», редактором газеты «Педагог» в МГПИ. Затем вплоть до 1996 года Юрий Ильясов трудился рабочим на Магнитогорском метизно-металлургическом заводе и на Южно-Уральской железной дороге. Всё это время он продолжает писать стихи, окончательно определившись со своим поэтическим призванием.

В 1995 году в издательстве МГПИ вышел первый поэтический сборник Юрия Ильясова «Устремление

сердца». Стало ясно, что в литературу пришёл талантливый, неординарный поэт со сложившимся мироощущением, неповторимым видением мира. Уже в первом сборнике проявились главные черты его творчества: исповедальность, сочетание эпичности и лиризма, определилась основная тематика произведений – особое, кровное ощущение единства со своими предками, родной землей.

В 1998 году Ильясов был принят в Союз российских писателей. В 2002-м вышла новая книга поэта «Идущий следом», за которую он получил премию III литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. Поэт Ю. Костарев отмечал: «Юрий Ильясов – зрелый, самообытный поэт со своим чётким лирическим голосом. Его отличает душевная открытость и напряжённость мысли. В стихах его почти нет внешних примет времени, главным в его творчестве всегда были вечные ценности...» Говоря о языке поэзии Юрия Ильясова, Костарев писал: «Поэт вообще не

желает отступать от «высокого штиля». Так ему велит душа». А Наталья Карпичева, кандидат филологических наук, уточняет: «...его поэтический язык – обращение (или возвращение) к человечности, к легкости дыхания и ёмкой простоте, к классической ритмике и тропике, к поэтике пушкинской и тютчевской. Его стихи выдышаны на зимнем стекле, ему чужды игры со словом и в смыслы, постмодернистские игры в классики...» И ещё: «...язык его поэзии соотносим скорее с поэтическим словом прошлых веков, не с головной, но с сердечной поэзией».

Неслучаен тот факт, что поэт, для которого не были пустым звуком понятия «нравственный максимализм», «связь поколений»,

руководил городским литературным объединением имени Бориса Ручьёва при газете «Магнитогорский рабочий». Юрий Ильясов был требовательным педагогом, предостерегал от «головокружения» при первых успехах в творчестве и радовался каждой удачной строке в стихах своих учеников. Занятия в объединении посещали и состоявшиеся поэты, и авторы-любители. О высоком авторитете руководителя говорят строки из стихотворений его ученицы, ныне состоявшегося поэта Елены Холодовой: «То ли Апостол, то ли Учитель».

Когда в 2010 году вышла в свет его третья книга «Круг любви», поэт активно участвовал в литературном движении города: руководил пресс-службой Магнитогорского государственного университета, был членом редакционного совета

книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст», выходивших под патронажем газеты «Магнитогорский металл», редактировал книжную серию Магнитогорского государственного университета «Гармонии таинственная власть».

Незадолго до кончины Юрий Ильясов начал работать над прозаическим циклом «Притчи о царе Соломоне». К своему герою, легендарному библейскому царю Соломону, он подошёл не как дотошный историк, а как поэт и глубоко чувствующий, много переживший и многое понявший человек. Книга «Притчи о царе Соломоне» вышла в московском издательстве «ФЛИНТА: Наука» спустя несколько месяцев после смерти автора.

Маргарита Шевченко

Лирика

Юрий Ильясов

Поиск

Где ж такая строка,
что чиста, как вода из колодца?
– Неплохие стихи у тебя,
но читать их горько.
Как ни выйду на речку Урал –
всё твой стон раздаётся, –
Говорит мне Борька.

Может, вправду он знает,
как нужно писать для народа,
Как с улыбкой пройти
мимо общего дома – Содома?
– Оба мы, – говорю, –
веселее глядим год от года, –
Так блаженные смотрят на мир
сквозь решётки дурдома.

Ничего не ответил брат мой.
Небрит и простужен,
От меня он уходит,
сгорбавив худую спину,
К терпеливой жене,
к непрощающей тёще и к сыну,
Под прицелом вселенной –
на грустный, заждавшийся ужин.

Он с кольцом обручальным
такой же, как я, – беспричальный.
Тожже ищет себя
перед зовом господним на выход.
Так мучителен вдох!
Так стремительно-радостен
выдох
В том краю, где стихи и светлы,
и нежны, и печальны.

– Вы поэт?
– Да. Видите, какой я худой?
Может быть, мне
можно и не поститься?
Может быть, мне
что-нибудь и простится,
Потому что я уже старый,
хотя ещё молодой.

– Вы поэт?
– Да. И что-то я подустал.
Вы читали стихи,
в вас проснулась жалость.
Я не знаю,
сколько мне жить осталось,
Но вы мне дороже,
чем пьедестал.

– Вы поэт?
– Да какой я поэт? Нет.
Ну, а, может, поэт –
это совсем неважно,
Но за то, что я плакал в пыли
и в тоске овражной,
Милосердьем людским
и любовью я был согрет.

Разрыв

От солнечного дня
задержнул штору он.
Со шторы, словно пыль,
осыпалась измена.
И долго думал он,
растерян и смешон,
Шарахаясь в трусах –
семейных, по колено, –

По комнате:
«Не зря ведь говорят
«Бог шельму метит».
Метя эту шельму,
Зачем ей дал такой
счастливый взгляд, –
Такой безгрешный
и такой отшельный?»

Весёлыми детьми
прикрывшись, как щитом,
Ушла в кино.
Зато не буду слушать басен,
Что, дескать, нет причин
и прочее. Притом –
Сегодня я смешон,
поэтому опасен».

А завтра он таких
достал бы... не одну.
Но – вечная мораль
взывает к всепрощенью.
Но – потерял жену,
так не ищи жену,
И надо бы ему
покинуть помещенье.

Немыслимо – забыть.
Немыслимо – уйти.
Немыслимо судьбы
не вынести ударов.
Ну, что же ты опять
застыл на полпути,
Дружище дорогой,
мужчина буриданов?

...И разве сразу разберёшь,
Пройдя по грани, – где там ложь
И правда где там?
Вопрос не в силах превозмочь,
Стихами разгоняет ночь.
Он ближе к детям,
Чем умник, знающий ответ.
Да только нужно ли, поэт,
Судьбу – в игрушку?
Ведь голову – чертям назло –
Ты не упрячешь под крыло,
Как под подушку.

Пропало фото

Уходит женщина. С порога
Взглянула холодно и строго.
И не прошу, и не молю
И не удерживаю вовсе,
Хотя в груди и хмарь, и осень:
Я эту женщину люблю.

Ушла. Кручине есть причина,
Но не забуду, что мужчина, –
Перенесу любую боль,
Не пропаду, уйду в работу...
Куда же подевалось фото?
Сто раз перелистал альбом!

Лет семь назад, весною, в мае,
Предупредил бы, мол, снимаю! –
Украдкою, прищулив глаз,
Фотографический любитель
Бесцеремонностью обидел,
Запечатлев на плёнку нас,

И выслал фото нам в конверте.
Какое фото! Вы поверьте –
Оно на тысячу одно,
Шедевр любителя случайный:
Её лицо. В нём нету тайны,
Загадки Моны Лизы. Но

Её лицо лучилось светом
Любви открытой и неспетой
И обещало, не маня.
И счастлив, что он душу дарит.
Тянулся к ней хороший парень
Похожий внешне на меня.

...Ушла. Отчаянье. Суббота.
Куда же подевалось фото?

Пойдём туда, где чисто и светло.
Там женщина – такая неодога,
Высокие ступени у порога
Там первозданным снегом занесло.

А женщина нас любит, как сестра.
И стол накрыт.
Дымятся чашки с чаем.
И мы с тобою в ней души не чаем
За щедрость безграничного добра.

Куда мы шли? Иль стежка?
Иль стезя?
Пойдём – там ничего не обещают,
А просто понимают и прощают,
Хотя простить давно уже нельзя.

И снег летит в оконное стекло.
...Была такая долгая дорога,
Такая боль, что нужно, ради бога,
Прийти туда, где чисто и светло.

Прощальное

Что-то снег за окошком с утра
Необычно печальный...
Встал. Оделся. Обулся. Пора! –
Свет зовет изначальный.

Путь прошёл по планете брат
И собрался в обратный.
– Ведь нельзя бесконечно
сквозь ад, –
Говорит мне брат мой.

Только мужество нужно найти
Встать. Одеться. Обуться.
И шагнуть за порог. И – уйти,
Чтоб скорее вернуться.

Ничего не случилось.
Но тогда почему
Мне – скажите на милость! –
Хорошо одному.

Я, наверное, братцы,
Заболел-занемог.
Если честно признаться,
Без неё я не мог.

Мир любовью закрыло.
От назойливых дел

Из разлуки на крыльях
Самолёта летел.

Только радостно ахнет,
Только косы – вразброс.
Земляникою пахло
У неё от волос,

Пахло клевером лето.
Влюблена, горяча,
Засыпала с рассветом
Она у плеча.

Иль она мне приснилась?..
Или в чём виноват?..
– Ничего не случилось, –
Прошептал листопад.

Ветер листья уносит.
Понимаю полной
Равнодушную осень
И молчанье полей.

Я живу беспечно
В одиноком доме.
Пусто, зыбко, прощально,
Хорошо одному.

Я говорю вам,
что в мужчине – дух,
А в женщине –
природное начало.
И если у мужчины дух потух,
Не будет ни уюта, ни причала.

Любовь души
заменишь ли стриптизом?
Недаром сердце –
бьёт в колокола.
Лунаниками бродим по карнизам,
Природу раздеваем догола, –

И реки поворачиваем вспять,
И вызываем лавы изверженья,
И женщина неистово опять,
В победе утверждает поражение,

Пощёчину отвесив подлецу.
Смотри – её глаза не покорились,
Но слёзы покатались по лицу,
И по листве дождевки
покатались,

И лето покатилося к сентябрю.
Кто без греха –
пусть первый бросит камень,
А я о том зачем-то говорю,
Что сам порушил этими руками.